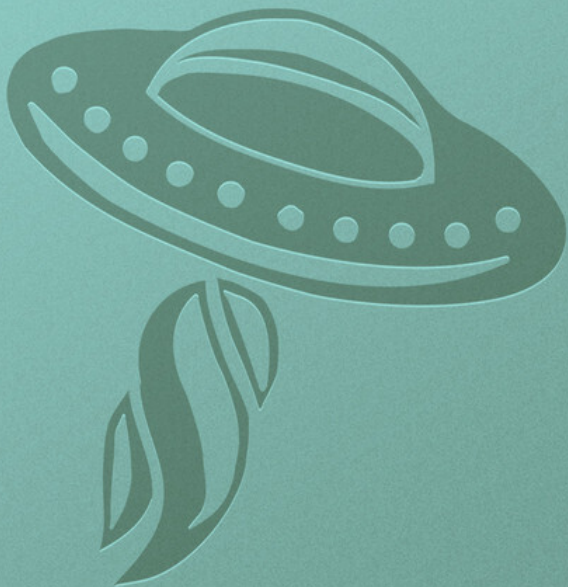

Джон Браннер

Жестокий век

Джон Браннер
Жестокий век

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155475

Джон Браннер

Жестокий век

Глядя на изможденное лицо, в котором угадывалась былая красота, на темные волосы, разметавшиеся по подушке, Сесил Клиффорд не сразу смог признать правду. Внезапно его глаза защипало и он гневно смахнул слезы. Если бы эти слезы могли воскресить ее!

Наконец он сделал медсестре знак накрыть простыней некогда прекрасное лицо. Отвернувшись, он стал собирать инструменты и поймал взгляд сестры, одновременно сочувственный и любопытный. Он понял, что должен объясниться.

– Она... она была женой моего лучшего друга, – хрипло сказал он, и сестра кивнула. Он был благодарен ей за то, что она не стала выражать ему соболезнование. Его скорбь была сугубо личным делом.

Лейла Кент стала жертвой эпидемии.

– Если вы оформите свидетельство о смерти прежде, чем я уйду домой, – добавил он после паузы, – занесите мне на подпись.

Последний раз взглянув на неподвижную фигуру под простыней, он устало направился к следующему пациенту. В этой палате лежало около шестидесяти человек, отделенных друг от друга складными шторами, и каждый из них был

жертвой Чумы.

– Вам осталось посмотреть только сорок седьмого, доктор, – сказала из-за его спины сестра. Под этим номером значилась койка Бьюэла, астронавта. Он был еще слаб, но начал поправляться, несмотря на то, что диагноз был установлен только на десятый день. Чумная бактерия находилась в своей скрытой фазе, и все симптомы указывали на обыкновенную простуду, а потом...

Неужели антибиотики действительно дали эффект, уныло подумал Клиффорд. Видимо, так оно и есть, раз он выздоравливает. Впрочем, он пробовал ту же комбинацию и на Лейле Кент...

Он решительно одернул себя. Факт оставался фактом: в одних случаях Чума убивала пациента – одного из десяти, – что бы ни предпринимали врачи, а в других пациент чудесным образом излечивался в считанные дни. Безумие, просто безумие!

Но пациент на 47-й койке усмехался, наблюдая за ним, и ему пришлось выжать ответную улыбку.

– Ну что, – бодро спросил он. – Как дела?

Астронавт закрыл журнал, расстегнул пижаму и лег на спину.

– Можете выпустить меня отсюда. Я чувствую себя прекрасно и готов отправиться в космос прямо сейчас.

– Это мне решать, а не вам, – с напускной суровостью ответил Клиффорд, держа наготове бронхоскоп. Бьюэл покор-

но раскрыл рот.

С первого взгляда Клиффорд понял, что был прав. Ткани, которые всего лишь сутки назад были вспухшими и воспаленно-красными, приобрели здоровый розовый цвет. Стетоскоп лишь укрепил его уверенность. Дыхание, kloкoтaвшee в легких Бьюэла, словно он умирал от пневмонии, теперь было почти бесшумным.

Повезло сукину сыну! Почему именно ему? Почему не...

Клиффорд снова усилием воли подавил внутренний протест.

Рано было делать выводы: предстояло еще несколько тестов. До сих пор все те, кто выздоравливал, по всей видимости, приобретали прочный иммунитет, но эта инфекция так изменчива, непредсказуема...

– Руку, пожалуйста, – сказал он, приготовив геометр. Бьюэл закатал рукав и позволил себя уколоть. Аппарат щелкнул, и цифры на его шкале указали на то, что все кровяные показатели находятся в норме. Бьюэл, наблюдавший за его лицом, ухмыльнулся:

– Не верите своим глазам, док?

Клиффорд отреагировал с неожиданной резкостью:

– Верно, вы идете на поправку! Но каждый десятый пациент умирает, как бы ни старались его спасти, и мы хотим выяснить, наконец, что спасло жизнь вам, а не ему!

Бьюэл мгновенно посерьезнел и кивнул.

– Да, я слышал об этом. Чертовски много людей зарази-

лось Чумой, а? Ваша больница, должно быть, переполнена, судя по тому, что мужчин и женщин кладут в одну палату вроде этой, – он указал на перегородки. – Значит, вы собирались взять пробу моей крови и взглянуть, нет ли там антител, которым я обязан своим выздоровлением?

– Да, мы сделаем это, – ответил Клиффорд, устыдившись своей недавней вспышки и делая вид, что поглощен стерилизацией геометра. – Так что у нас есть причины не отправлять вас обратно на Марс.

Распутав провода своего электроэнцефалографа, он прижал электроды с присосками к выбритым участкам головы Бьюэла, спрятанным среди его темных волос.

– Закройте глаза, – произнес он, глядя на энцефалограмму на зеленом экране. – Откройте... закройте. Теперь держите их закрытыми и думайте о чем-нибудь сложном.

– В этом журнале я читал статью одного парня из Принстона. Он утверждает, что космические корабли как средство передвижения в пространстве безнадежно устарели. Так пойдет?

Он вывел какую-то жуткую формулу...

– Держите так, – сказал Клиффорд, внимательно следя за графиком. Полминуты было достаточно, чтобы убедиться в том, что Бьюэл снова находится в пике своих интеллектуальных возможностей.

– Можете расслабиться, – сказал он, снимая электроды с головы Бьюэла. – Не думаю, что вам понравится, если кос-

мические корабли отправятся на мусорную свалку.

– Дело не в моих желаниях. Я более чем уверен, что этот парень прав, и не удивлюсь, если он создаст телепортатор.

Клиффорд озадаченно взглянул на него.

– А я думал, что доказана невозможность телепортации!

– О, от старой идеи превращения молекулярной структуры тела в радиоволну действительно отказались. Профессор Вейсман подходит к этому абсолютно иначе. В этой статье он пишет о создании конгруэнтных объемов в пространстве. Если это получится, то, по его мнению, помещенный в одном из объемов должен появиться и в другом. Знаете, что... гм... не могли бы вы устроить мне компьютер? Я хочу проверить выкладки этого Вейсмана.

Клиффорд заморгал. Он знал, что нужно было быть выдающимся математиком, чтобы поступить на космическую службу. Но то, что специалист среднего уровня, которым был Бьюэл по его представлениям, собрался проверять выкладки профессора из Института Новейших исследований, казалось просто невозможным. Он поздно сообразил, и вопрос уже прозвучал:

– Вы уверены, что в состоянии сделать это?

– Вы имеете в виду, достаточно ли я здоров?

– О, вполне...

– Нет, вы имели в виду другое, не так ли? – Бьюэл невесело усмехнулся. – Вот что значит выглядеть «настоящим мужчиной» в отличие от хрупкого бледного интеллектуала. Да,

док, я в состоянии сделать это. Я способен заниматься космической механикой даже в уме, когда в этом есть необходимость. Пришлось однажды, когда на полпути к Марсу астероид вывел из строя наш навигационный компьютер.

На Клиффорда это произвело впечатление.

– О'кей, я сделаю все возможное. Сомневаюсь, что вам позволят воспользоваться нашей компьютерной системой: статистики и так стонут оттого, что она перегружена. Может быть, вас устроит обыкновенный калькулятор?

– Лучше, чем ничего, – смирился Бьюэл.

– Пожалуйста, проследите за тем, чтобы пациент получал все, что ему требуется, – сказал Клиффорд медсестре перед уходом. – И можете перевести его в палату для выздоравливающих. Его дела идут неплохо.

«Итак, эту кровать займет другой пациент, – думал он. – Бьюэл прав: Чума пожирает страну, как лесной пожар».

Его рабочий день закончился, и он никогда еще не был так рад этому. Дежурство началось в шесть утра, а сейчас был уже пятый час. За прошедшие десять часов Клиффорд засвидетельствовал девять летальных исходов – все от Чумы.

Он устало вышел из палаты, на ходу снимая белый халат и маску, чтобы затем отправить их на сжигание. В течение пяти минут он тер себя бактерицидным мылом, стоя под душем, предварительно востребовав свою одежду из-под ультрафиолетового облучателя, где она находилась с самого утра. По всем общепринятым стандартам с тех пор, как на-

чалась эпидемия.

Когда сестра принесла ему на подпись свидетельства о смерти, он почти валился с ног. Внимательно, прочитав их – не потому, что ожидал найти ошибку, а в силу профессиональной привычки – он подписал каждый и поставил отпечаток большого пальца.

Забирая их, сестра нерешительно сказала:

– Там ждет представитель полиции, доктор. Он хочет поговорить с вами лично.

– Какого черта ему нужно? – раздраженно спросил Клиффорд.

– Он не сказал. Но он настаивал на том, что это очень важно.

– О, будь он неладен... Пусть войдет.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, в дверях стоял светловолосый человек в форме инспектора полиции. Клиффорд узнал тот усталый и тревожный взгляд, который замечал у себя самого на протяжении последних недель.

– Я знаю, как вы заняты... – начал тот, но Клиффорд перебил его:

– Все в порядке, садитесь. Чем могу помочь?

– Благодарю. Моя фамилия Теккерей – инспектор Теккерей. Я занимаюсь розыском пропавших людей и надеюсь, что вы сможете кое-что прояснить для меня.

– Я слишком устал, чтобы разгадывать загадки.

– Разумеется. Прошу прощения. Итак, вы занимались одним из первых случаев этой... мм... Чумы, не так ли? Я не знаю, как официально называется эта болезнь.

– До сих пор некогда было придумать ей имя. «Чума» звучит не хуже любого другого.

Теккерей кивнул.

– Меня интересует неопознанный человек, который прибыл в Лондон автобусом из Мэйденхеда. Смуглый, довольно-таки плотной комплекции, лет пятидесяти-шестидесяти. Представляете себе, о ком я говорю?

– Да, я помню. Он был без сознания, когда автобус прибыл на конечную станцию, и умер, так и не сказав ни слова. Подобных случаев было несколько. Я полагаю, люди из нашей регистратуры автоматически сообщают вам о них?

Теккерей сдвинул брови.

– Верно. В общей сложности зарегистрировано около ста подобных случаев. Этих людей находили в бессознательном состоянии в автобусах и поездах, или же они добирались до Лондона автостопом.

– Около ста? Не так уж и мало. Но при чем здесь я?

– Одну минуту, – Теккерей поднял палец. – Это еще не все.

Все эти люди, независимо от пола и возраста, имели одну общую черту. Они не были бродягами, которые довольно редко встречаются в наше время. Все они были хорошо одеты, и большинство, из них имело при себе приличные сум-

мы денег. Но ни у кого из них не оказалось каких-либо документов, удостоверяющих личность.

– Довольно-таки странно, – согласился Клиффорд.

– Это не просто странно. Поверьте моему опыту, это неслыханно! Сколько разных документов обычно носит с собой средний человек? Водительские права, кредитную карту, страховую полис, визитки, иногда даже личные письма... В крайнем случае, на его одежде должна быть метка прачечной или чистки. Как правило, мы находим девяносто процентов пропавших людей, даже в случаях полной амнезии. У оставшихся десяти процентов чаще всего имеются веские причины скрываться – от долгов, беременных подружек, занудливых родителей. Но я не помню буквально ни одного случая за восемь лет моей службы в отделе, когда бы абсолютно не за что зацепиться. И вот, ни с того ни с сего, мы сталкиваемся со ста такими случаями в течение нескольких недель!

Так что, сами понимаете, мы не зря переполошились. Нам пришлось в голову посоветоваться с вами, поскольку вы чаще, чем любой другой доктор из Лондона, сталкивались с подобными случаями. Скажите, могла ли эта Чума повлиять на их психику так, что они намеренно уничтожили все свои документы?

Изменяющимся тоном он добавил:

– Если вам показалось, что вы – наша последняя надежда, то вы абсолютно правы.

Клиффорд невесело рассмеялся.

– Инспектор, я погрешил бы против истины, если бы дал утвердительный ответ. Мы слишком мало знаем об этой болезни, чтобы с уверенностью судить о том, что она может вызвать, и чего не может. Я наблюдаю психические нарушения в результате Чумы, но они сильно походят на бредовые состояния, вызванные любой лихорадкой. У нас есть основания думать, что в некоторых случаях эти нарушения могут иметь необратимые для психики последствия, но пока это остается гипотезой, и, кроме того, это не мой профиль.

Поколебавшись, он добавил:

– Даже если я скажу «да», это едва ли решит вашу проблему.

Теккерей тяжело вздохнул.

– Видите ли, не похоже, чтобы этих людей разыскивали родственники или друзья, и это самое странное во всей ситуации! Кроме того, нам не удалось проследить за их действиями дальше начала их последней поездки. Да, мы отыскиали людей, которые видели их ожидающими автобус или поезд, и даже тех, кто продавал им чашку чая. Но до сих пор не попалось никого, кто знал бы имя кого-либо из них или откуда тот прибыл. И никто из этих ста человек перед смертью так и не пришел в сознание.

– Неужели не было ни одного запроса о ком-либо из них?

– Ни одного. Поэтому мы начали тщательное расследование в том районе, откуда они прибыли.

– Вы хотите сказать, что все эти люди прибыли из одного места?

– Более или менее. Из западной части Лондона. Потому-то большинство из них оказались в вашей больнице. Впрочем, пока это мало чем помогло нам. В поисках отправной точки каждого из них мы продолжаем наткаться на стену. – Он развел руками. – Создается впечатление, что они упали с неба!

– Кстати, – поколебавшись, сказал Клиффорд, – это отчасти совпадает с одним распространенным в последнее время мнением. Вы, очевидно, слышали о том, что эта Чума абсолютно не похожа на любую другую медицинскую болезнь. Не могло ли случиться так, что переносчики этой болезни в буквальном смысле слова упали с неба? Я имею в виду, не явились ли они из космоса, избежав карантина?

Теккерей вздохнул.

– Доктор, вы меня удивляете. Я знал, что уже несколько лет ходят слухи об астронавтах, которые якобы незаконно провозили какие-то вещи с Луны. А если вещи, то почему бы не людей, так? Но, поверьте мне, не зря Космический Транспортный Контроль взял себе такой девиз.

– Что-то вроде: «И мышь не скользнет незамеченной»?

– Именно. Это невозможно! Мы тесно сотрудничаем с Таможней и отделом Иммиграции, потому что самый простой способ исчезнуть, это, конечно, бежать за границу. Я видел, как работают их специалисты. Известно ли вам, что даже в

наземный телескоп на поверхности Луны можно разглядеть футбольный мяч, и даже теннисный, и даже шарик для пинг-понга?

Клиффорд покачал головой, изо всех сил сопротивляясь желанию сомкнуть веки.

– Детский лепет, – продолжал Теккерей. – В следующий раз, когда кто-нибудь будет рассказывать вам о контрабанде чего бы то ни было с Луны, пожалейте свое время. Да, и если к вам снова попадет с этим диагнозом хорошо одетый пациент без документов, не могли бы вы сразу связаться с нами? Похоже, вы делаете успехи, и рано или поздно кто-нибудь из пациентов поправится настолько, что сможет говорить.

– Мне хотелось бы разделить ваш оптимизм, – усмехнулся Клиффорд.

Прежде чем удалиться, Теккерей еще раз извинился и рассыпался в благодарностях.

Несколько минут Клиффорд продолжал сидеть в кресле, наморщив лоб. К величайшему множеству загадок, связанных с Чумой, прибавилась еще одна. Эта болезнь вызывала просто немыслимые патологии, абсолютно непредсказуемо реагировала на терапию, а что касается, микроба-возбудителя... За невероятную способность к мутации его окрестили *Bacterium Mutabile*.

Медицина научилась выявлять около двух десятков болезнетворных микробов во всех фазах развития. Но эта проклятая Чума являла собой нечто абсолютно иное.

Сначала, разумеется, никому не пришло в голову, что пятьдесят-сто случаев заболевания одновременно означают начало эпидемии. Истина была установлена по чистой случайности. Одна из первых жертв Чумы работала к красильне, после смерти ее труп окрасился в ярко-оранжевый цвет.

Так появился критерий для распознавания новой болезни, и были сделаны ужасающие выводы: то, что да первый взгляд представлялось церебральным менингитом, обыкновенной инфлюэнцей или тяжелой формой пневмонии, на самом деле оказалось Чумой. Способы, которыми она убивала, были неисчислимы, но убивала она не всегда. По какой-то причине микроб уходил в фазу покоя и оставался невыявленным; симптомы были выражены очень слабо и легко приписывались какому-нибудь безобидному заболеванию, а после самых простых лечебных процедур бесследно исчезали.

Более десяти процентов населения уже поражены Чумой и являются бациллоносителями – в большом Лондоне, центральных промышленных районах вокруг Бирмингема, на густонаселенных курортах Южного побережья. Сколько еще миллионов живут, не подозревая о том, что инфицированы Чумой?

И есть ли смысл обследовать миллионы человек, заранее зная, что до сих пор не существует способа от нее избавиться?

Возможно, мы сами виновны во всем. Возможно, опрометчиво смешивая органические компоненты, мы сами со-

здали новую форму жизни, которая может уничтожить нас.

Впрочем, над этой проблемой работали специалисты, сейчас бессмысленно было ломать над этим голову.

Он вышел из больницы и направился по дорожке к стоянке, где был припаркован его маленький «стимер». Приложив палец к глазку электронного замка на дверце машины, Клиффорд услышал позади себя гудок и обернулся. Газетный автомат предлагал ему последний выпуск. Заголовок на его щитке гласил:

ЧУМА: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ЗВОН ЗВУЧИТ ВСЕ
ГРОМЧЕ!

Не хватает только узнавать об этом из газет.

Когда Клиффорд отвернулся и распахнул дверцу машины, автомат отъехал в поисках более заинтересованного клиента.

Опустившись на сиденье, Клиффорд заколебался. С одной стороны, не мешало бы поехать домой и отдохнуть, но стоило ему сформулировать эту идею до конца, как он понял, что поступит иначе.

На нем лежало еще одно обязательство.

Он припарковался прямо под большим фирменным знаком, извещавшим мир о том, что здесь располагается «Кент Фармацевтикалз Лимитед». На стоянке для посетителей находилась лишь одна машина, и, несмотря на усталость, Клиффорд остановился и восхищенно оглядел ее. Ему всегда нравилась красивая техника, и сейчас перед ним был алый сверкающий «хантсмен» новейшей модели с откидным

верхом, элегантными крыльями и блестящим хромированным радиатором.

Хмм... В следующий раз – что-нибудь в этом роде, если повезет!.. Он оторвался от машины, поймав себя на том, что теряет время, и вошел в апартаменты фирмы.

«Кент Фармацевтикалз» была преуспевающей фирмой, и ее заново отстроенные и переоборудованные менее десяти лет назад корпуса отвечали самым современным требованиям.

В огромной пустынного вида приемной не было никого, кроме секретарши Кента. У нее был все тот же потерянный взгляд, отличавший всех, так или иначе включенных в выматывающую борьбу против Чумы. Когда Клиффорд вошел, ее лицо немного просветлело.

– Добрый вечер, доктор Клиффорд! Редко доводится видеть вас последнее время. Как поживаете?

– Работаю как проклятый, – лаконично ответил он. – Рон здесь?

– Да, но в данный момент он водит гостя по нашим лабораториям. Приехал какой-то человек из Балмфорт Латимер. Клиффорд насторожился.

– Балмфорт Латимер? Не то ли это местечко, где был зарегистрирован самый первый случай Чумы?

– То самое. Он сказал, что у него есть какие-то гипотезы... – Ее глаза внимательно и тревожно изучали лицо Клиффорда, и вдруг она спросила: – Доктор, как миссис Кент? Дур-

ные новости?

«О Боже, неужели это заметно по моему лицу?» Не было смысла лгать, и он устало произнес:

– Боюсь, что так. Она умерла примерно час назад.

– Боже мой, какой ужас... Мистер Кент знает?

– Ему должны были позвонить из больницы. Я... – Клиффорд проглотил комок в горле. – Я пришел, чтобы выразить ему свои соболезнования. – Он подумал, до чего пустыми и стерильными были эти слова. – Как вы думаете, скоро уйдет этот человек?

– Не знаю. – Она обернулась и застыла. – О, вот и он!

На другом конце приемной из кабинета Рона Кента вышел мужчина с темными волосами, слегка тронутыми сединой, и осторожно прикрыл за собой дверь. Он пошел прямо к выходу, едва кивнув на прощание секретарше и швейцару. По прямой осанке и официальной манере держаться Клиффорд определил его как отставного военного. За последние двадцать лет большая часть вооруженных сил была распущена, и многие офицеры, уйдя в отставку, осели в спокойных провинциальных городах, где платили более высокие пенсии.

Селектор на столе секретарши отдал какое-то распоряжение, и, выслушав его, девушка ответила:

– Да, мистер Кент. Но только что прибыл мистер Клиффорд, и...

Но Клиффорд не стал дожидаться приглашения и уже был у двери кабинета.

Рон сидел за столом, сцепив толстые пальцы и склонив рыжеволосую голову. Когда Клиффорд вошел, Кент не шевельнулся.

Клиффорд смущенно прочистил горло и рискнул заговорить:

– Я полагаю, тебе уже известна новость?

Словно в замедленной съемке, Рой качнул головой вперед, затем назад.

– Я просто хотел сказать тебе, что мне страшно жаль...

Рон заставил себя поднять на него глаза.

– Можешь не говорить мне, Клифф, я знаю. Входи, садись.

Клиффорд послушался, и Рон продолжал:

– Мне очень хотелось быть там. До самого конца. – В его тоне послышался отдаленный упрек.

– Поверь мне, Рон, это абсолютно невозможно. Кроме того, от этого вряд ли была бы какая-то польза. Никогда нельзя с уверенностью сказать, когда наступит конец. Утром, как я и сказал тебе, Лейла чувствовала себя хорошо. Около полудня она вдруг впала в коматозное состояние, и... – он тяжело покачал головой.

– Сейчас, ее, наверное, уже кремировали, – монотонно произнес Кент.

– Боюсь, что да. До тех пор, пока мы не научимся обращаться с Чумой, нам придется соблюдать все возможные меры предосторожности. После случая с тем бедолагой, который работал у нас в морге...

Он оборвал себя, ужаснувшись той чепухе, которую нес, но Рон, похоже, его не слышал. Он взял ручку и стал вертеть ее в своих коротких пальцах.

– Спасибо, что пришел, Клифф. Я оценил это, тем более что знаю, как ты загружен работой и... о, проклятье. – Ручка сломалась, и он с остервенением швырнул ее в корзину для мусора.

– Господи, лучше бы я продолжал практиковать! Лучше бы я делал что-то, а не сидел здесь, сходя с ума!

– Ты на своем месте, – горько сказал Клифффорд. – Как ты думаешь, что мы реально делаем! Ничего! Чума поступает по своему усмотрению! Да, нам удалось спасти нескольких больных, находившихся в пограничном состоянии, но мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, кто будет жить, а кто умрет.

Ей-богу, я не уверен, что мы спасли хоть одного пациента, который не мог бы поправиться сам. И, в конечном счете, эту проблему могут решить только твои люди. Мы используем лекарства, но даешь их нам ты. – Он ощутил потребность сменить тему, так как этот разговор слишком огорчал их обоих. – Что за человек только что вышел от тебя?

– Его зовут Боргам. – Рон потер глаза кончиками пальцев, потряс головой, словно хотел прояснить ее, и взял сигарету из коробки. Яростно откусив ее кончик, он продолжил:

– Он из местечка Балмфорт Латимер. Помнишь, один из первых зараженных Чумой работал садовником? Боргам на-

нял его за пару недель до того, как он заболел.

– Он сообщил тебе что-либо ценное?

– Конечно же, нет, – пренебрежительно скривился Рон. – Я и не ожидал услышать от него что-нибудь путное, хотя он и пытался чем-то оправдать свое желание посмотреть лабораторию. Впрочем, спасибо на том, что это отвлекло меня.

Рон зажег спичку и выплюнул дым, словно он был отвратительным на вкус.

– Он... он военный, не так ли? – спросил Клиффорд, отчаянно стараясь поддержать умирающий разговор.

– Какого дьявола мне знать? Думаю, что да. Похож на офицера, – он пожал плечами.

– Послушай, – вспомнил вдруг Клиффорд. – Кажется, ты говорил мне сегодня утром по телефону о каких-то успехах? Боюсь, я был слишком занят, чтобы обратить на это должное внимание, но у меня сложилось впечатление, что...

– О, ты имеешь в виду К-39, – сказал Рон. – Успех – это слишком сильно сказано, но кое-какой прогресс есть. – Он расслабился в кресле. – Это уже известный тебе кризомицетин.

– Кризомицетин? Но я сам пробовал этот препарат, и от него было не больше толку, чем от пантомицина, пенициллина и...

– Ты знаком с нашим биохимиком, Вилли Джеззардом? – перебил его Рон. – Ну так вот, примерно год назад он сказал мне, что собирается синтезировать серию производных от

кризомицетина – в десять раз большую, чем от пенициллина. Но это было безумно дорого, и нам пришлось прикрыть его работу до тех самых пор, когда разразилась эпидемия Чумы. Теперь я дал ему карт-бланш и неограниченное финансирование. И вот он делает успехи. Господи, если бы я послушался его год назад! Может быть, Лейла была бы сейчас жива!

– Перестань! – проскрежетал Клиффорд, привстав с кресла.

С минуту они напряженно смотрели друг другу в глаза, потом Рон тяжело вздохнул и впервые стряхнул пепел.

– Знаю, – пробормотал он. – И о том, что слезами горю не поможешь, и о том, что после драки кулаками не машут... О, забудь об этом. Я тоже постараюсь. Некогда скулить, тем более сейчас, когда мы добились все же кое-каких успехов. К-39 имеет тридцатипроцентный тормозящий эффект, который держится четыре-пять дней.

Клиффорд присвистнул.

– Чудеса! Я на собственном опыте убедился, что можно дать один и тот же препарат двум пациентам, после чего один из них выздоравливает, в другой – нет. Иногда чувствуешь себя просто шаманом... Но тридцать процентов – это кое-что. Да, во многих случаях это сможет вытащить больного с того света, а защитные механизмы организма закончат работу. А как насчет побочных эффектов?

– Конечно же, они есть, – фыркнул Рон, – иначе над чем еще мы, по-твоему, сейчас работаем? Даже не испытывая

на ком-нибудь этот препарат, мы точно знаем, что он вызовет лихорадку пятой степени и общий отек из-за увеличения проницаемости клеток. Но мы знаем также то, что этот препарат всегда убивает бациллу Чумы и не всегда убивает пациента.

– Тогда почему...

– Почему мы не сообщали никому эту новость? Пошевели мозгами, парень! Почти три месяца мы провозились с этой *Bacterium Mutabile* и до сих пор не смогли зафиксировать повторную фазу ее адаптивного цикла. Господи, это все равно, что делить иррациональную дробь! – Он выпустил облако дыма. – О, этот микроб оказался крепким орешком. Известно ли тебе, что он может жить в среде, на девяносто пять процентов состоящей из его же собственных экскрементов? В своем развитии он проходит через короткую вирусную фазу, когда он ни что иное, как голый ген; есть у него также три большие вирусные фазы и несметное число бактериозных фаз. И есть еще фаза псевдоспоры, в которую он может переходить из любой другой. Находясь в этой фазе, он занят ни чем иным, как почкованием, и при этом у больного отсутствуют какие бы то ни было симптомы! И к тому же...

– Я знаю, как вам трудно, – мягко перебил его Клиффорд.

– Вот поэтому-то мы и не спешим обнародовать результаты своей работы. Потому что в данный момент мы можем сказать только то, что микроб легко адаптируется буквально ко всему.

На ранних стадиях исследования мы кормили их сульфаниламидами. Теперь они съедают пинту на завтрак и смеются над нами!

Одно время нас сильно обнадежил антитоксин скарлатины: девять поколений погибли под его воздействием. Но десятое – устояло!

– И это все тот же микроб, а не лабораторная мутация?

– Черт возьми, да он сам по себе есть мутация! Безостановочная, в каждом поколении! Это молекула, в которой закодированы основные признаки этого организма и которая может маскироваться и принимать любую форму. Это молекула устойчива почти к любым ядам, способным погубить организм пациента.

Мы можем нейтрализовать ее с помощью краски – ты, наверное, знаешь об этом. Оранжевый цвет свидетельствует о необратимых изменениях в молекуле – можно считать ее нейтрализованной.

Но дело в том, что краска нейтрализует также гемоглобин и еще шесть жизненно важных ферментов. А Вилли Джекзарду удалось сделать вот что: он каким-то образом заместил левую группу радикалов молекулы правой, и... Черт, да что я взялся тебе рассказывать! Я ведь уже не первый год полирую стул на административной работе и не уверен, что еще сумею перевязать растянутую лодыжку. Давай спустимся в лабораторию, и ты услышишь все из первых уст. Они были страшно недовольны визитом Боргама, но ты – совсем дру-

гое дело!

Модернизация лаборатории в «Кент Фармацевтикалз» означала прежде всего систему дистанционного управления всеми опасными экспериментами, подобную той, что использовалась для работы с радиоактивным материалом. Джебзарда и троих его помощников отделяла от самой лаборатории герметичная стеклянная стена, по периметру которой располагались многочисленные рычаги управления искусственными руками, поблескивавшими по ту сторону стекла, словно никелированные ноги огромного паука. Две другие стены были заняты компьютерными терминалами, дисплеями и множеством приборов, которые Клиффорд видел впервые.

Джебзард сидел спиной к пневматическим дверям, сосредоточенно изучая стопу карт Великобритании, исчерченных голубым мелком.

– Не обращайтесь на нас внимания, – сказал Рон, входя. По его поведению никто бы не догадался, что совсем недавно он потерял жену. До тех пор, пока Чума воспринималась лишь как интеллектуальный вызов, оставался шанс добиться объективных результатов. Клиффорд восхитился его умению держать себя в руках.

Джебзард оторвал взгляд от карты;

– Вернулся, Рон? О, Клиффорд! Какими судьбами?

В первое мгновение Клиффорд удивился тому, что Джебзард, с которым они встречались лишь однажды, сразу узнал

его, но затем вспомнил, что неоднократно слышал о его великолепной визуальной памяти.

– До меня дошли слухи о вашем успехе с К-39. Это с ним вы сейчас работаете?

– Со всей К-серией. – Джеззард кивнул на стеклянную стену. – В общей сложности шестьдесят семь производных. Но К-39 – самый перспективный вариант из всей серии, здесь вы правы.

Он снял очки, быстро протер их рукавом халата, и, немилосердно отогнув уши, вернул на место.

– Ну как там, Фил, варится? – спросил он у одного из помощников, который неотрывно наблюдал за чем-то в бинокляр.

– Знакомьтесь: это Фил Спенсер, а это – Сесил Клиффорд. Молодой ассистент, взлохмаченный и довольно утомленный на вид, ответил со сдержанным оптимизмом:

– Я полагаю, закипает!

Он оторвался от бинокля, чтобы внести данные в компьютер, жестом приглашая Клиффорда занять его место. Прильнув к биноклю, Клиффорд стал фокусировать его, пока не увидел знакомые очертания чашки Петри, наполненной розовой питательной средой. На ее поверхности виднелись четыре группки бактерий, расположенных симметрично под прямым углом к кусочку золотистого кристалла кризмицетина.

Он потянул на себя рычаг манипулятора, и объектив пла-

но переместился к соседней чашечке Петри, затем к следующей.

Это была серия К-39 – девять чашек, в каждой из которых содержалась микробная масса на разных фазах развития и выросшая в разной питательной среде. Клиффорд заметил, что, независимо от фазы, размножение шло довольно-таки вяло, а в центре возле кристалла оно не происходило вообще.

Впечатленный, он вернул бинокляр Спенсеру.

– Весьма многообещающе! – сказал он Джеззарду.

– Если бы не один маленький недостаток, – кисло ответил тот.

– Только что вы видели девять десятых всего существующего в мире ДДК.

– Девять десятых чего?..

– ДДК! Ди-декстро-кризимицетина. Того самого вещества, которое и дает эффект, насколько я понимаю. Исходная молекула содержит два левосторонних радикала, которые не только не наносят вреда бактерии, но даже утилизируются ею. Весь фокус состоит в том, чтобы активизировать пару правосторонних радикалов. Но ДДК не существует в природе, а синтезировать его невероятно трудно. В результате синтеза получается в лучшем случае четверть процента чистого вещества, а отделить его кажется просто невозможным! И все же придется это сделать.

Потому что это единственный просвет в темном туннеле,

который затягивает всех нас...

Он потянулся и зевнул в голос.

– Кстати говоря, Рой, – продолжил он, – я рад, что ты вернулся. Этот малый из Балмфорт Латимер напомнил мне об одной гипотезе, которую и я собираюсь проверить. Знаешь, что это такое? – он постучал по карте на столе.

– Похоже на карты Министерства Здравоохранения, где они ежедневно отмечают распространение эпидемии, – ответил Рон.

– Верно. Но, как известно, они начали публиковать их только через две с половиной недели после начала эпидемии, когда число жертв уже перевалило за тысячу. Вот эта – первая, – он вытащил одну из карт, на которой мелом были отмечены Лондон и Бирмингем.

– Я как следует рассмотрел их, а компьютер как раз заканчивает анализ тенденций, на которые они указывают. А что, если нам попробовать экстраполировать эти тенденции в обратном направлении?

Он нажал кнопку, и на небольшом мониторе появилось изображение карты, которое начало быстро меняться. Нанесенные мелком линии стали таять, сжиматься, превращаясь в скопление точек, все более и более изолированных друг от друга, пока на карте не осталась одна-единственная точка.

Джеззард присвистнул.

– Черт меня побери! – сказал он. – Я и не думал, что с первого раза так получится! Смотрите, эта точка находится

в пределах... даже меньше, чем за десять миль от Балмфорт Латимер!

– Вы хотите найти первого носителя? – не вполне понимая, спросил Клиффорд.

– Можно сказать, что так, – согласился Джемззард.

– Минутку! – воскликнул Рон. – Людям из министерства пришлось в голову заняться этим в первую очередь, но потом они пришли к выводу, что в разгар эпидемии разброс случаев был слишком велик...

– О, я исхожу не из официальных отчетов, – оборвал его Джемззард. – Я же сказал, что хочу экстраполировать тенденцию назад. И вот результат, – он указал на оставшуюся точку. – Кроме того, кто сказал, что был один-единственный носитель?

– Как думаешь, Клиффорд, есть что-нибудь в этом? – с сомнением спросил Рон.

– Думаю, есть, – ответил Клиффорд, вспомнив свой недавний разговор с Теккереем. – Мне кажется, что нужно немедленно сообщить обо всем этом в Министерство.

– О'кей, я позвоню им и поручу кому-нибудь переписать твои выкладки, – сказал Рон Джемззарду. – Если, конечно, ты не возражаешь.

Джемззард так дернул головой, что очки едва не слетели с его носа.

– О Боже! Не думаешь ли ты, что я озабочен первенством в публикации этого материала? Тем более сейчас, когда мы

столкнулись с чем-то абсолютно новым?! Ты, должно быть, шутишь!

– Ты уверен, что это нечто абсолютно новое? – спросил Клиффорд.

– О, это нечто настолько новое, что я даже сомневаюсь, могло ли оно развиваться на нашей планете. Да, очень может быть.

На мгновение повисла тишина, затем Клиффорд подал голос:

– Но не могло же оно попасть к нам из космоса. Сейчас в моей палате выздоравливает один астронавт, и я знаю, насколько основательна его поправка. Кроме того, сегодня я разговаривал с полицейским, который...

– Знаю, знаю, – недовольно замахал на него руками Джемс. – Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что оно не могло развиваться на нашей планете само по себе.

Он с вызовом взглянул на каждого из собеседников.

– Сами подумайте: нам не удалось заразить этим вирусом обезьян! И в то же время, он легко распространяется среди людей. Если бы этот микроб попал на Землю из космоса в виде споры, он обязательно поразил бы какое-нибудь животное, разве не так? Но получается, что он живет и размножается только в человеческих тканях! Сопоставьте это еще и с тем, что до сих пор эпидемия ограничивается Великобританией, и...

– Ты хочешь сказать, что этот вирус создан искусствен-

но? – не выдержал Рон. – И что он был намеренно распространен?

– Не такая уж смешная идея, – заявил Джемззард. – Тебе же известна заболеваемость на данный момент: примерно каждый десятый.

Из них еще одна десятая часть умирает. Если так будет продолжаться, мы потеряем один процент населения – шестьсот тысяч! Это уже начало сказываться на экономике, потому что даже те, кто остается в живых, около месяца проводят в стационаре, и еще два месяца длится восстановительный период...

– Ради Бога! – взмолился Рон. – И кто же, по-твоему, этот злодей?

– Есть у меня кое-какие догадки... Весь этот век мы живем в неблагоприятном мире. Зная, что мы разоружились, демобилизовали большую часть наших вооруженных сил, враг мог... – он смущенно умолк.

– Твоя работа – искать средство против Чумы, – неожиданно начальственным тоном сказал Рон, – а не выдумывать параноидальные теории на эту тему! Надеюсь больше никогда ничего в этом роде не слышать от тебя. Нам пора, Клифф, уже почти пять, а они хотят поскорее освободиться и уйти домой.

Покраснев, Джемззард возразил:

– Что касается меня, то я не спешу уйти отсюда. Я собираюсь оставаться здесь до полуночи с перерывом на ужин.

– А я думал, что сегодня дежурит Дилис, – сказал Рон, кивая в сторону девушки.

– Так оно и есть, – отозвалась та, не поднимая головы. – Но я буду рада компании.

– Дело ваше, – пожал плечами Рон.

Когда пневматическая дверь бесшумно закрылась за ними, Кент смущенно сказал:

– Не придавай этому значения. Джебзард – один из лучших наших специалистов, хотя ему и свойственны некоторые причуды. Он происходит из старого военно-морского семейства, и наш психиатр считает, что Джебзард воспринимает борьбу с Чумой как настоящий крестовый поход, сублимируя таким образом свойственную его натуре тягу к насилию. Я думаю, на нем сказывается напряжение последних недель. Но что касается его теории в целом, то должен признаться, что она звучит адски правдоподобно, не находишь?

Клиффорд собрался что-то ответить, но из кармана Рона раздался сигнал. Пробормотав извинения, он вытащил рацию и слушал с полминуты.

– Не слишком веселые новости, – заметил он, кладя рацию обратно в карман и поджимая губы.

– Что стряслось на этот раз? Новая вспышка эпидемии?

– Очень может быть. Как бы то ни было, министерство обратилось во Всемирную Организацию Здравоохранения с просьбой объявить Великобританию зоной бедствия.

– В самом деле? Что, это значит, что мы сможем запросить

дополнительный медицинский персонал...

– Но с другой стороны – ни туризма, ни экспорта, ни космических полетов... Сам знаешь, какие меры предосторожности принимаются в таких случаях.

– Знаю, – вздохнул Клиффорд. – По-моему, впервые целая страна объявляется запретной зоной.

– Такой величины, как наша – да. Хм! Я рад хотя бы тому, что буду вне пределов досягаемости для Джеззарда, когда он узнает новости, потому что они чуть ли не подтверждают его правоту!

Они снова оказались у двери кабинета Рона и, остановившись, повернулись друг к другу. Клиффорд хотел было предложить ему пообедать вместе, но внезапно остро и болезненно осознал, что его долг перед пациентами отодвигает на второй план даже такую давнюю дружбу. Они с Роном познакомились еще в колледже, потом вместе работали в госпитале, и, возможно, одновременно поднялись бы на следующую ступеньку карьеры, если бы неожиданная смерть отца Рона не сделала его главой фирмы. Клиффорд был свидетелем на свадьбе Рона и Лейлы...

Которой теперь нет в живых...

Рон избавил его от мучительных попыток найти нужные слова.

– Почему ты так и не женился, Клифф? – резко спросил он.

– Может быть, потому что боялся, что когда-нибудь с то-

бой случится такое?

Он развернулся и вошел в кабинет, оставив Клиффорда мрачно уткнувшимся в полированный стол.

«Нет – тихо сказал он белым стенам – нет, не поэтому...» Пронзительный телефонный звонок нарушил его приятный, глубокий сон. Он лениво потянулся, не сомневаясь в том, что у него достаточно времени, чтобы быть в госпитале к шести.

Он лег в постель в девять вечера и сейчас чувствовал себя почти отдохнувшим.

Но взглянув на светящийся циферблат, он вздрогнул от неожиданности: часы показывали половину четвертого утра – слишком рано для будильника! Он вскочил и бросился к телефону, заранее готовый к неприятным сюрпризам.

– Клифф, это Рон Кент, – сообщил в трубку убитый голос. – Слушай, мне только что звонили из полиции. Кто-то вломился в лабораторию, нокаутировал Джеззарда, едва не задушил Дилис Хоббс и разнес вдребезги всю серию «К»!

Клиффорд почувствовал, как сердце превратилось в кусок свинца.

– Кого-нибудь подозреваешь?.. – начал он и осекся.

– Джеззард описал его. Высокий, темноволосый, немолодой, но очень спортивный... Похоже на Боргама, не находишь?

– Похоже, к тому же я имел возможность убедиться в том, что он обладает отличной памятью.

– Это верно, но хуже всего то, что Джеззард рассказал по-

лиции о своих догадках насчет искусственного происхождения Чумы.

– И они приняли его всерьез?

– Теперь я и сам готов принять его всерьез! Потому что иначе выходит, что Джеззард спятил и уничтожил все сам! Но мы не можем позволить себе потерять такого специалиста. Послушай, я звоню тебе вот зачем: нужен кто-то, кто видел, как Боргам покидал офис, а свою секретаршу я найти не могу, она ночует у друзей или что-то в этом роде. Полиция утверждает, что сигнализация осталась нетронутой, и поэтому они хотят знать, не мог ли он прятаться где-нибудь в здании и выскользнуть после того, как с прибытием полиции сигнализацию отключили.

– Я видел, как он выходил, – ответил Клиффорд. – Хотя, конечно, ему ничего не стоило вернуться обратно. Знаешь, я предлагаю вот что: я уже достаточно отдохнул, а в больницу мне к шести, так что, если нужно, я приеду в лабораторию.

– Ты в самом деле можешь приехать? – в его голосе зазвучали патетические нотки. – Стоит мне подумать о том, что вся наша работа полетела к чертям, я готов просто разорвать на части ублюдка, который это сделал!

– Я выезжаю, и через полчаса буду на месте, – заверил его Клиффорд.

Натянув в спешке слаксы и свитер, он бегом отправился в гараж по пустым ночным улицам. По пути к «Кент Фармацевтикалз» ему не встретилось ни одной машины, если не

считать полицейского патруля, который рванул было за ним, когда он превысил скорость, но отстал, стоило ему включить мигалку амбулатории.

Возле «Кент Фармацевтикалз» царил хаос. Четыре патрульных машины и автомобиль Рона стояли посреди дороги, перегородив проезд. Везде и всюду суетились люди с камерами, диктофонами и разнообразной аппаратурой судебной экспертизы. При свете портативного прожектора кто-то из полицейских устанавливал «ищейку» – электронное устройство для опознания следов.

Когда он притормозил, полицейский потребовал у него документы и, взглянув на них, пустил Клиффорда в здание. Во избежание недоразумений он позволил «ищейке» обнюхать себя и вошел в холл, напоминавший огромную пещеру. Сейчас его наполнял непривычный шум; крики, гудение аппаратуры, топот ног. Клиффорд осторожно приоткрыл дверь в кабинет Рона и услышал благодарный возглас:

– О, слава Богу, наконец-то!

Рон, Джеззард, Дилис Хоббс и трое полицейских воззрились на него. Челюсть Джеззарда была разбита и смазана какой-то мазью, а девушка то и дело осторожно касалась своего горла, словно оно у нее болело.

– Доктор Клиффорд? – спросил один из полицейских. – Входите, садитесь. Моя фамилия Вентворт. Я не задержу вас долго. Итак, доктор Джеззард, вы говорили, что...

Сержант проворно поднес микрофон, и Джеззард начал

излагать происшедшее таким тоном, словно объяснял отста- лому ребенку основы арифметики.

Как и планировал, он оставался в лаборатории вместе с Дилис Хоббс в течение всего вечера. Около десяти он вы- ходил перекусить и вернулся примерно через пятьдесят ми- нут. Охранник подтвердил это, так как ему пришлось от- ключить сигнализацию, чтобы впустить Джеззарда. Около полуночи доктор Хоббс вышла к кофеварочному автомату, так как доктор Джеззард перед уходом захотел выпить кофе. Джеззард остался в лаборатории, и, когда пневматические двери открылись, он решил, что вернулась Дилис, но, обер- нувшись, увидел Боргама и получил сокрушительный удар в челюсть.

Придя в себя, он обнаружил, что Боргам не только вос- пользовался дистанционным управлением, чтобы уничто- жить опытную серию, но и выплеснул на нее сильнейшую кислоту, предназначенную для тех случаев, когда бактерии было слишком опасно уничтожать на открытом воздухе.

– Это просто бессмысленное преступление! – воскликну- ла Дилис, голос которой был хриплым не только от возму- щения.

Джеззард взглянул на нее так, словно хотел возразить, но промолчал.

– А что произошло с вами? – обратился к ней Вентворт.

– Я была возле кофеварки, – сказала она, беспомощно по- жав плечами. – Потом кто-то схватил меня за горло, и я по-

теряла сознание. – Она снова коснулась горла и болезненно поморщилась. – Кем бы ни был тот человек, он действовал со знанием дела. Во всяком случае, сразу сумел найти сонную артерию.

– Но вам не удалось его как следует разглядеть?

– Нет, – Дилис покачала головой.

– А вы, мистер Клиффорд, – переключился Вентворт. – Если я правильно понял, вы видели этого Боргама.

– Да. Этот человек как раз покидал здание, когда я сегодня сюда прибыл... вчера, я хотел сказать. И когда я спросил, кто он такой, мне ответили, что его зовут Боргам.

Вентворт потер подбородок, шершавый от утренней щетины.

– Понятно. А что привело вас сюда вчера?

– Я приехал, чтобы выразить свои соболезнования мистери Кенту. Его жена умерла вчера в моем госпитале.

– Очень сожалею... Я не знал об этом. Она скончалась от... от Чумы?

– Да.

– Примите мои соболезнования, мистер Кент. По несчастливому совпадению всего лишь на прошлой неделе мой сын...

Впрочем, не будем об этом. Прошу вас, мистер Клиффорд, опишите этого человека.

– Ему около пятидесяти, волосы темные, седеющие на висках и затылке. Рост примерно шесть футов и два или три

дюдма, смуглый, нос с горбинкой. Возможно, он араб или еврей. Держался с военной выправкой.

– И вы видели, как он покинул здание?

– Я видел, как он шел к выходу. И когда около пяти я вернулся на стоянку к своей машине, автомобиля, рядом с которым я припарковался, уже не было.

– Вот как? Что это была за машина?

– «Хантсмен» новейшей мадели с открытым верхом, алого цвета. Кажется, номер начинался с 9Г, но я не уверен.

– Очень хорошо. Сержант, свяжитесь с центральным транспортным управлением и проверьте, зарегистрирована ли такая машина под именем Боргама.

– Слушаюсь, сэр, – ответил сержант и стал набирать длинный номер на одном из телефонов, стоявших на столе Рона. Остальные ждали в напряженном молчании. Лейтенант долго слушал, затем положил трубку.

– Так точно, сэр. Ему принадлежит новый «хантсмен».

– Отлично. Объявите общенациональный розыск машины и пошлите местную полицию к нему домой в Латимер.

– Не лучше ли подождать, пока «ищейка» выдаст результаты, – рискнул возразить сержант.

– К тому времени, когда они отличат его дневные следы от тех, что он оставил ночью, тот человек уже покинет пределы страны.

– Он не сможет покинуть пределы страны, вы же знаете, – возразил Рон.

– Что?

– В полночь ВОЗ объявила Великобританию Зоной бедствия, и все границы закрыты. Разве вам это не известно?

– Нет... Я ничего не слышал об этом, – воскликнул Вентворт. – Что ж, это сыграет нам на руку. Впрочем, я совершаю самый тяжкий для полицейского грех, делая преждевременные выводы. Лучше поступим так, как предложил сержант, и дождемся результатов.

Они вышли из лаборатории в холл. Клиффорд взглянул на Рона, который обеспокоенно следил за снующими по лаборатории полицейскими.

– Какая сигнализационная система установлена у вас здесь? – спросил Клиффорд.

– Не система, а полдюжины взаимосвязанных систем! Не так уж и много, потому что мы боялись не столько ограбления, сколько того, что какой-нибудь идиот заберется в лабораторию и заразится. Ты же знаешь, что мы имеем дело с жуткими микробами... Так что по периметру здания установлена сеть электронного глаза, звуковая система и множество датчиков, реагирующих на изменение давления. Чтобы войти, Джеззарду пришлось просить охранника отключить все это, иначе сирена выла бы даже в Хонслоу. Если тебя интересует, мог ли Боргам пробраться в здание в тот момент, когда охранник отключил сигнализацию, то я тебе отвечу однозначно – нет. Перемещение любого теплого объекта сразу фиксируется инфракрасными детекторами на бумажной

ленте. Мы видели ленту: на ней записаны все перемещения Джембарда, так что эта система работала исправно. А еще по всему зданию установлены датчики давления воздуха, которые чутко регистрируют на открывание любой двери, где бы она ни находилась.

– И ни одна из дверей не открывалась?

– Кроме тех, что пришлось открыть Джембарду, когда он возвращался в лабораторию, – Рон покачал головой. – А это означает, что тот человек попал внутрь здания, не пересекая его периметра. Либо он упал с неба, либо проник из-под земли. Но, Клифф, это же невероятно!

– В таком случае, – медленно произнес Клифффорд, – тебе следует вызвать психиатра компании и задать ему несколько вопросов насчет Джембарда.

– Ты думаешь... Не хочешь ли ты сказать, что это сделал он сам?! Брось, я сгоряча ляпнул тебе об этом, потому что был в шоке от новостей. Он не сумасшедший, чтобы уничтожить плоды своей собственной работы!

– Разве я сказал, что он сумасшедший? – вздохнул Клифффорд. – Просто, слушая его показания, я обратил внимание на одну деталь. Он был взбешен не столько из-за нанесенного ущерба, сколько из-за того, что не сумел предусмотреть этого и принять превентивные меры. Но этого нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить! Кто психиатр вашей компании?

– Его зовут Чинелли, – Рон был потрясен. – Господи, я

понимаю, что ты имеешь в виду... Он производил такое впечатление, правда? Я приму меры. Он находился под страшным напряжением все это время, как и все мы... Спасибо за предостережение.

– Я думаю, ты и сам бы пришел к такому выводу, – Клиффорд вскинул руку и взглянул на запястье, где должны были быть часы. Убегая в спешке, он забыл их надеть.

– Сколько времени?

– А... Около пяти.

– Отлично. Я успею вернуться домой и привести себя в порядок перед уходом на работу. Я позвоню тебе позже, чтобы узнать новости. Пока!

Он бегом удалился.

Он вспомнил этот разговор, поедая, или, вернее, пытаясь есть невкусное рагу из баранины – единственное, что подавали в больнице на ленч с тех пор, как один из постоянных поставщиков мяса заболел Чумой и санитарная инспекция запретила потреблять в пищу мясо из той партии.

Этим утром поступило тридцать пять новых больных с Чумой и один с аппендицитом. Ситуация быстро приближалась к критической точке. Если ВОЗ ничего не предпримет в ближайшее время, врачи скоро уже перестанут справляться с работой.

И все же мысленно он все время возвращался к тому, что произошло в лаборатории у Рона Кента. Как человек мог проникнуть в помещение, не потревожив многочисленных

систем сигнализации?

Если только с помощью телепортатора Вейсмана.

Что ж, это легко бы все объяснило. Но, к сожалению, все еще длилась эра космических кораблей и ненадежных ракет, годных лишь на то, чтобы долгие месяцы по инерции двигаться в космосе к Луне или Марсу. Телепортаторы оставались мечтой.

И все же...

– Черт побери, – вслух пробормотал он, отодвигая почти полную тарелку. Нужно раз и навсегда разделаться с этим призраком. Он нажал кнопку селектора и, услышав ответ медсестры, спросил:

– Сестра, куда поместили пациента Бьюэла, астронавта?

– Мм... Двадцать пятая палата. А в чем дело?

– Хочу забежать на минутку и взглянуть на него.

Быстро шагая по коридору в отделение для выздоравливающих, он спросил себя, позаботился ли кто-нибудь о калькуляторе для Бьюэла, и, открыв дверь в палату, дал утвердительный ответ. Бьюэл во всю работал с калькулятором, одной рукой набирая цифры, а другой записывая что-то в блокнот. Подняв глаза и увидев входящего Клиффорда, Бьюэл расплылся в улыбке.

– А, доктор Клиффорд! Хотите убедиться в том, что я больше не доставлю вам хлопот?

Клиффорд принудил себя улыбнуться в ответ на его неудачную шутку.

– Между прочим, я зашел узнать о ваших успехах в проверке теорий Вейсмана.

Клиффорд надеялся, что Бьюэл не спросит, откуда взялся столь жуткий интерес.

– О, есть кое-какие успехи, – ответил тот, откидываясь на подушку. – Кстати, если бы вы позволили мне воспользоваться вашим компьютером, я справился бы за час. А эта штука не годится для вычислений такого масштаба. Но одно я могу с уверенностью сказать уже сейчас. Этот Вейсман абсолютно прав!

Клиффорд был так взволнован, что нервно сжал кулаки и сделал полшага к кровати.

– Значит, возможно создать телепортатор?

– О, нет. Никаких шансов.

– Тогда я вас не понимаю.

– Это сродни так называемому мраморному парадоксу. Не слышали о таком? Из пяти кусочков мрамора возможно сложить шар размером с Землю. С другой стороны, теоретически возможно сжать Землю до размеров небольшого мраморного шарика. Но фокус в том, что практически это сделать невозможно.

Он постучал ручкой по раскрытому журналу со статьей Вейсмана.

– То же самое и в этом случае. Он прав, утверждая, что достаточно создать два абсолютно конгруэнтных объема, чтобы предмет, помещенный в один из них, появился и в дру-

ГОМ.

Проблема в том, чтобы найти критерий абсолютной конгруэнтности...

Рация в кармане Клиффорда подала сигнал и заговорила:

– Доктор Клиффорд, пожалуйста, немедленно подойдите в хирургическое отделение!

Клиффорд тихо вздохнул, а вслух сказал:

– О'кей. Простите, что побеспокоил вас.

– Ничуть, – пожал плечами Бьюэл. – А почему вас ни с того, ни с сего заинтересовала телепортация? Утомляет ходьба туда-сюда?

Клиффорд выдавил из себя еще одну улыбку, столь же фальшивую, как и предыдущая.

– Нет, просто пытаюсь разгадать загадку одного ограбления.

– Вот что я вам скажу, – с притворной серьезностью произнес Бьюэл. – Создатель телепортатора нашел бы себе менее рискованное занятие. Вроде моего.

По пути в свой кабинет Клиффорд страшно злился на себя за то, что принял эту идею всерьез. Пусть полиция решает загадку со взломом лаборатории в «Кент Фармацевтикалз».

Оказалось, что именно полиция поджидала его возле кабинета в лице констебля, которого Клиффорд уже видел прошлой ночью где-то возле «Кент Фармацевтикалз». Приглашая его в кабинет, Клиффорд заметил любопытный взгляд медсестры и подумал: «Интересно, какие объяснения они

найдут тому, что полиция так неожиданно и настойчиво интересуется мною?» Убрав со стола тарелку с остывшим рагу, он сказал:

– Итак, сэр, я к вашим услугам.

– Моя фамилия Фаркуар, сэр. Мне поручено поставить вас в известность о том, что мы проверили мистера Боргама, который подозревался во взломе лаборатории «Кент Фармацевтикалз».

– И?..

– Местная полиция застала его в постели. Выяснилось, что прошлым вечером от обедал с тремя друзьями в ресторане более чем в ста милях от Лондона, вернулся около восьми и больше никуда не отлучался. Даже его «хантсмену» не под силу было доставить его в Лондон и обратно за такой короткий промежуток времени.

– Значит... – начал Клиффорд и умолк, подумав, что во все не обязательно подбрасывать полиции Джеззарда. Возможно, они уже сами додумались...

– Да, сэр? – быстро отреагировал Фаркуар, и под острым взглядом его ярких глаз Клиффорд почувствовал себя словно под микроскопом.

– Значит, вам придется искать кого-то другого, – с усилием выговорил он.

– Да, сэр, – расслабился полицейский. – Видите ли, мой шеф считает, что лучше, чтобы люди, которые, так сказать, в курсе дела, были предупреждены о том, что им не следу-

ет повторять обвинений мистеру Джебзарду. Мистер Боргам был страшно возмущен.

Он хотел было подняться, но Клиффорд остановил его жестом. Внезапно он вспомнил, где именно он видел Фаркуара прошлой ночью, или, вернее сказать, этим утром.

– Это не вы ли работали с «ищейкой» возле «Кент Фармацевтикалз»?

– Гм... Да, сэр. Я стажирюсь на детектива и, чтобы успешнее сдать экзамены, должен ознакомиться со всей современной техникой, используемой в полиции.

– Она нашла что-нибудь? Я имею в виду «ищейку».

Фаркуар слишком долго колебался, и Клиффорд воскликнул:

– Значит, нашла! Что? Свежий след? В лаборатории, я полагаю?

Фаркуар совсем смешался под его натиском. Клиффорд не унимался:

– И больше нигде следов не было! Я прав, не так ли?

Фаркуар сдался.

– Не знаю, что навело вас на эту мысль, сэр... да, вы правы. Мы проследили автоматический след, оставленный мистером Боргамом во время его дневного визита к мистеру Кенту: он вел с улицы в кабинет мистера Кента, оттуда – в лабораторию и обратно. И, как вы верно догадались, «ищейка» нашла следы, оставленные поверх всех прочих, лишь в одном помещении, – он говорил так, словно признавался в

утрате святыни, в которую верил с детства.

– Вы хотите сказать, что эти новые следы попросту обрывались? Словно мистер Боргам растворился в воздухе?

– Более или менее, – вздохнул Фаркуар и поспешил добавить: – но, видите ли, «ищейка» – экспериментальное средство. Ее свидетельство пока еще не признают в суде.

– Черт меня побери, – задумчиво пробормотал Клиффорд. – Спасибо вам, сэр. Вы очень помогли мне.

– Это вам спасибо, сэр, – поправил полицейский, смутно чувствуя, что ситуация складывается неправильно.

Клиффорд, окончательно сбитый с толку, несколько минут изучал пустую белую стену. Что делать с этой проклятой загадкой? Сначала он уверовал в телепортатор как ключ решения всей проблемы, потом услышал авторитетное мнение о том, что никакого телепортатора не существует, и в конце получил подтверждение первой гипотезы не менее авторитетным устройством!

О, это просто смешно!

Нет, видимо, взломщику попросту удалось каким-то образом перехитрить все те датчики, о которых распространялся Кент, и очень может быть, что полиция уже докопалась до этого.

Вместо того, чтобы ломать голову, Клиффорд решил позвонить Кенту.

Но Рон сообщил ему только то, что он уже слышал от Фаркуара.

– Как обстоят дела в лаборатории? – спросил Клиффорд.

– Еще хуже, чем показалось на первый взгляд, – удрученно ответил Рон. – Видимо, нам придется повторить все восемьсот восемь экспериментов.

– Что? Но ведь у вас должны были остаться записи!

– Вот поэтому я и говорю, что все обстоит гораздо хуже, чем показалось сначала. Этот сукин сын вдоволь поработал с нашим компьютером, прежде чем ушел.

– Ты хочешь сказать, что ваш компьютер не был снабжен защитным кодом?

– Конечно, был, и знал его только персонал лаборатории! Думаешь, я идиот?! – прорычал Рон. – Но когда этот сукин сын понял, что не может уничтожить сведения, он выкинул другой фокус. О, он умен, как черт! Дело в том, что в лаборатории лежали кое-какие распечатки с адресами файлов, содержащих данные по кризомицетину. И вот что он сделал: к каждому адресу он внес новый разрешительный код. И теперь на каждый запрос компьютер требует с нас доказательств того, что мы имеем на него права. Что мы можем ему ответить? – Рон истерически рассмеялся. – Хитро придумано, не правда ли? Конечно, сведения физически продолжают оставаться там, но у нас уйдут дни, а возможно, и недели на то, чтобы вытащить их оттуда!

– Кто-нибудь еще работает над созданием кризомицетина? – спросил Клиффорд после паузы.

– О, да. Еще с полдюжины фирм. Но все они отстают от

Джеззарда на милую, насколько я знаю. Знаешь, какой вопрос крутится сейчас в моей голове?

– Не причастен ли к визиту кто-нибудь из них?

– Вот именно. Но почему, Клифф? Почему? Если это была единственная надежда спасти людей от Чумы?

Вдруг та часть существа Клифффорда, которая годами молчала, закричала от боли. В эту секунду он растерялся перед внезапным осознанием того, как сильно он любил Лейлу Кент...

Сквозь пелену черной тоски он услышал, что Рон о чем-то спрашивает его, и попросил повторить.

– Я говорю, что ты оказался прав насчет Джеззарда!

– Что ты имеешь в виду?

– Слышал утренние новости?

– Не было времени. Первая свободная минута выдалась за ленчем. Люди поступали каждую минуту – и все с Чумой.

– Так вот. Чума распространилась за пределы Великобритании. Уже есть случаи на континенте и в Нью-Йорке. Возможно, благодаря тем, кто выехал из страны до закрытия границ.

– Боже мой... – медленно и глупо, как ему самому показалось, выговорил Клифффорд. – Именно этого и следовало ожидать. Но что там насчет Джеззарда?

– Когда я рассказал ему об этом, он заявил, что все это ложь, выдуманная для отвода глаз.

– Не может быть!

– Боюсь, что это так. Мне пришлось вызвать Чинелли. Джемс начал буйствовать, и пришлось его усмирять. Возможно, пройдет месяц, прежде чем он снова будет способен работать.

– Всем нам не мешает успокоительное, – горько сказал Клиффорд. – И чем дальше, тем чаще будут случаться подобные вещи. Она из моих медсестер вбила себе в голову, что у нее Чума, и сегодня утром с ней случилась истерика. Никакие тесты не могут убедить ее в обратном.

– Могу себе представить ее чувства, – пробурчал Рон. – А этот бедняга Вентворт, потерявший сына на прошлой неделе, получил нагоняй за то, что объявил общенациональный розыск Боргама, который, как выяснилось, в момент происшествия был в ста милях от Лондона... О, черт, Клифф, у меня море работы, да и у тебя тоже, наверное. Я позвоню тебе вечером, о'кей?

Больные все прибывали и прибывали. К четырем часам все койки в больнице были заняты, и Клиффорд потерял целый час, обзванивая другие больницы, в которых дела обстояли точно так же. В конце концов он позвонил в Министерство Здравоохранения и получил указание отправлять выздоравливающих по домам на попечение их личных врачей.

В течение дня Клиффорд стал свидетелем еще нескольких неожиданных летальных исходов. (Неужели он никогда не сможет забыть прекрасное обескровленное лицо Лейлы Кент, ее темные волосы, разметавшиеся по подушке?) Паци-

енты со всеми признаками выздоровления среди них составляли один процент.

Тем не менее ему приходилось мириться с этой фатальностью.

Когда наконец его рабочий день окончился, он был еще более утомлен, чем вчера, подозревая, что завтра обещает быть еще хуже. Он наспех поел и через семь часов снова был в больнице, где его встретила первая за все дни радостная новость. ВОЗ прислала спецбригаду врачей из Америки.

Когда в четыре часа утра он подъехал к больнице, у главного подъезда разгружались машины с оборудованием и медикаментами, прибывшими трансатлантическими грузовыми лайнерами.

Следующие два часа он водил группу чернокожих докторов и медсестер по палатам. Никто из них явно не представлял себе истинной природы болезни, с которой им предстояло иметь дело. Это было закономерно, поскольку до сих пор Чума не распространялась за пределы Великобритании. Но Клиффорд видел, как потрясли их его бесстрастные описания наиболее непредсказуемых случаев течения болезни. Он предложил им поставить диагноз нескольким пациентам, и они дали точные на первый взгляд ответы: запущенный бронхит, почечная недостаточность, сепсис в результате инфицированной раны... а затем одна из сопровождавших медсестер делала быстрый и наглядный тест, и на глазах у всех плазма крови, или слюна, или моча пациента приобре-

тали ужасный оранжевый цвет.

Чума.

И все же само присутствие этих людей вселяло надежду. Подобно лейкоцитам, стремящимся противостоять инфекции в организме, эти люди выбились из своего обычного ритма и, перемахнув через океан, оказались в самом центре зоны бедствия.

Это был показатель того, что современный мир может сделать в борьбе против своих скрытых врагов.

Закончив обход, все они собрались в кабинете у Клиффорда.

Клиффорд обвел взглядом всех присутствующих и обратился к щуплому человеку со следами операции на щитовидке по фамилии Маккаферти.

– Ну, что скажете?

– Хорошего мало, – лаконично ответил тот. – Почему вы раньше не запросили помощь?

Клиффорд пожал плечами.

– Не знаю. Мы не сразу сообразили, в чем дело. Вам известно о том, что эпидемия уже достигла Европы и Соединенных Штатов?

– Еще бы! – подала голос самая симпатичная из медсестер.

– Вам повезло, что мы успели вылететь к вам. Сразу после вас позвонили из Бруклина – двести случаев за один день!

– Это еще не все, – вставил Маккаферти. – Ходят слухи,

что планируется послать еще пятьдесят спецбригад в Китай.

Сначала медики думали, что страну поразила какая-то новая разновидность инфлюэнцы. Кому-то пришло в голову испробовать тест, который вы только что продемонстрировали нам, и выяснилось, что это Чума.

У Клиффорда упало сердце. Даже помня о поразительных достижениях китайских медиков, Клиффорд ужаснулся. Гордые китайцы могли обратиться за помощью лишь в самом крайнем случае.

– Ну что ж, думаю, нам пора приступить к работе, – сказал Маккаферти и направился к двери.

Клиффорд несколько преждевременно настроился на невыносимо тяжелый каждодневный труд. Благодаря оборудованию и медикаментам, которые прибывали в течение всего дня, американцы взяли на себя почти половину всей работы. К полудню они справились с больными, которые поступили за прошлые сутки; еще через несколько часов в Гайд-Парке был разбит полевой госпиталь, и машины, выделенные полицией, доставляли в него пациентов. К вечеру на компьютерах были распечатаны списки адресов, по которым медсестры отправились помогать перепуганным добровольцам из Гражданской обороны отличать заболевание Чумы от прочих больных.

Посреди этой суматохи Клиффорд выделил несколько минут, чтобы ответить на звонок Кента. Рон просто ликовал.

– Клифф, случилась просто фантастическая вещь! Слы-

шал когда-нибудь о женщине по имени Сибил Марш?

– Она биохимик? Работает в одном из американских университетов, верно?

– Вот именно! Она – одна из лучших специалистов в мире. И знаешь, что она сделала? Час назад она позвонила сюда и долго разговаривала с Филом Спенсером. Она утверждает, что синтезировала кризомицетин и уже грузит всю лабораторию на самолет, чтобы лететь сюда. Суммировав свои результаты с нашими, она попытается синтезировать кризомицетин в чистом виде!

– Но ведь Джеззард говорил, что создание кризомицетина...

– Она сказала, что может получить двадцать-тридцать процентов вещества! – возбужденно перебил Рон. – Это невероятно! Просто чудеса!

– Фантастика, – согласился Клиффорд и впервые за многие дни позволил надежде овладеть собой.

Эйфория длилась всего лишь сорок восемь часов, по истечении которой в Лондонском аэропорту был взорван самолет с лабораторией Сибил Марш.

Когда одного из ассистентов-биохимиков удалось вытащить из пламени, он невнятно сказал, что видел в самолете незнакомого высокого темноволосого мужчину. Но пожарные обнаружили среди обломков самолета лишь осколки фосфорной гранаты.

Клиффорд узнал об этом из утреннего выпуска новостей,

одеваясь на работу. В панике он сразу позвонил в госпиталь, чтобы убедиться в том, что там все в порядке. Опустив трубку на рычаг, он горько сжал губы в плотную линию.

Значит, кто-то решительно препятствует созданию кризомицетина. Но кто? И, главное, почему!

Диктор говорил о случаях Чумы в Малайзии и Индонезии, когда зазвонил телефон. Сняв трубку, Клиффорд услышал незнакомый голос.

– Доктор Клиффорд?

– Да, кто это?

– Моя фамилия Чинелли, доктор. Психиатр компании «Кент Фармацевтикалз».

– О, да. Рон Кент говорил мне о вас.

– Да, я знаю, что вы были его другом.

– Был? С ним... с ним что-нибудь случилось? .

Клиффорду показалось, что пол стал уходить из-под ног.

– Мне очень тяжело сообщать вам эту новость, – сказал Чинелли. – Он умер сегодня ночью.

– О, господи, – проговорил Клиффорд. Его ладонь так вспотела, что он едва не выронил трубку. – От Чумы?

– Нет. Он принял яд.

Повисла тишина, словно Вселенная застыла в нерешительности, не смея продолжить свое движение.

После паузы Чинелли сказал:

– Я виню себя в том, что вовремя не обратил внимания на его опасное состояние. Я видел, в каком напряжении он на-

ходил, когда с доктором Джеззардом случился срыв, но... Мне кажется, последней каплей был взрыв самолета с лабораторией. Слышали об этом?

– Только что по радио...

– Мистеру Кенту сразу сообщили об этом. Дело в том, что он распорядился послать туда все остатки этого кризомицетина. И, насколько я понимаю, все это было уничтожено. Он оставил записку, в которой говорится, что взрыв самолета окончательно убедил его в том, что кто-то преднамеренно распространяет Чуму – как и думал доктор Джеззард. Впрочем, записка очень неразборчивая...

Ответом ему была мертвая тишина. Чинелли обеспокоенно спросил:

– Вы слушаете, доктор Клиффорд?

– Да, да, слушаю... – ценой невероятного усилия ответил Клиффорд. – Спасибо, что дали мне знать. До свидания.

Но это была ложь, сказал он себе. На самом деле его уже не было здесь. Он находился в странной новой вселенной, полной хладнокровных беспощадных монстров, которые отняли у него сначала любимую женщину, затем лучшего друга, а потом то, что могло спасти жизнь – или это только видимость – миллионам людей, которых он никогда не знал.

Он сел на край своей постели, уронил голову на руки и обнаружил, что все еще способен плакать, как ребенок.

– Доктор Клиффорд?

Он поднял взгляд от стопки историй болезни, которые

взял из регистратуры в слабой надежде отыскать секрет изменчивости микроба.

– В чем дело, сестра? – недовольно спросил он у женщины, стоящей в дверном проеме.

– Вы просили дать вам знать в случае, если поступит хорошо одетый пациент без документов.

Клиффорд отодвинул бумаги и вскочил на ноги.

– Где его нашли?

– На Пэддингтонском вокзале около часа тому назад. Мы пробуем поддержать его с помощью кислорода, но он в очень тяжелом состоянии. У него доктор Маккаферти.

Это значит, что предстоит спор, мрачно подумал Клиффорд.

Впрочем, положение было таково, что любые средства оправдывали цель – разгадку тайны этой болезни.

Новый пациент лежал в помещении, которое недавно из приемной было переоборудовано в палату. Маккаферти склонился над ним с фонендоскопом. У пациента было характерно обескровленное лицо, и даже на расстоянии нескольких ярдов Клиффорд слышал хрипение в его груди.

– Клифф, я ничего не понимаю, – сказал Маккаферти. – Судя по состоянию, в котором он сейчас находится, его должны были госпитализировать неделю назад. Ума не приложу, как он добрался до поезда!

Клиффорд внимательно разглядел пациента.

– Никаких документов не было? – спросил он у медсест-

ры.

– Никаких. При себе он имел только пятифунтовую банкноту, немного мелочи и билет до Лондона. Ни бумажника, ни ключей, ни даже носового платка.

– Платок был ему необходим, чтобы содержать в порядке свой нос, так по-вашему? – с мрачным юмором заметил Маккаферти. Клиффорд глубоко вздохнул.

– Ладно. Позвоните в Скотланд-Ярд, позовите к телефону инспектора Теккерея из отдела по розыску пропавших без вести. Запомнили? Скажите ему, что к нам поступил один из загадочных пациентов, и попросите немедленно приехать сюда.

Сестра кивнула и поспешила к телефону.

– Что там насчет Скотланд-Ярда? – поинтересовался Маккаферти.

Клиффорд пропустил его вопрос мимо ушей.

– Как думаете, нам удастся разговорить этого пациента?

– Что?

– Вы же слышали, что я сказал! – рявкнул Клиффорд.

– Да, но... – Маккаферти облизал свои толстые губы. – Думаю, можно высушить его трахею, дать ему лошадиную дозу стимулятора, например, РП-икс... Но черт побери, это же наполовину сократит его шансы остаться в живых!

Он взглянул Клиффорду прямо в глаза.

– Я бы сказал, что вы буквально подписываете его смертный приговор.

– Знаю, – ответил Клиффорд. – Но этот инспектор Теккерей занимается выяснением личностей более чем ста таких пациентов, прибывших в Лондон с запада и не имеющих при себе документов. Есть основание считать их переносчиками болезни. А еще мне кажется, что они знают об этом.

– Что? – голова Маккаферти дернулась назад, как у цыпленка с перерезанным горлом.

– О, у меня нет доказательств! – резко сказал Клиффорд. – Но вы, очевидно, слышали о том, что кто-то учинил погром в лаборатории фирмы «Кент Фармацевтикалз»? И о взорванном в Лондонском аэропорту самолете, в котором прибыли американские биохимики вместе со своей лабораторией? Разве это не наводит на мысль о том, что кто-то старается помешать нам бороться против Чумы?

Повисло напряженное молчание. Затем Маккаферти сказал:

– О'кей, Клифф. Вы боретесь с этим уже не первый месяц, а я только что прибыл сюда. Но я достаточно наблюдал за вашей работой, чтобы, не сомневаться в том, что у вас имеются веские причины поступить так, а не иначе. Если это повлечет за собой осложнения... – он поколебался, – то я разделю их с вами. Это справедливо?

– Более чем, – ответил Клиффорд и хлопнул его по руке.

Они знали, что пациента не просто будет привести в сознание, и перенесли его в операционную, где имелось реанимационное оборудование. Когда приехал Теккерей, Клиффорд

вызвал его в коридор и объяснил ему всю рискованность шага, на который они идут. Когда он кончил, Теккерей сказал:

– Что ж, я готов взять на себя половину ответственности.

После инцидента с самолетом у нас практически не осталось сомнений в том, что имеет место саботаж. Министр внутренних дел уже собирает по этому поводу начальников полиции, а министр здравоохранения разослал циркуляр во все медицинские учреждения. Нас, конечно, это тоже коснулось, поскольку мы регистрируем все случаи подобного рода. – Он указал большим пальцем на дверь операционной. – А что именно вы собираетесь с ним делать?

– Пренеприятные вещи, – ответил Клиффорд. – Начать с того, что он едва может дышать, и нам придется высушить его трахею. Далее, микроб атаковал его нервную систему, и... О, можно до вечера объяснять, что инфекция делает с человеческими нервами. В общем, это самый короткий путь, которым она убивает. Так что нам придется ввести в его спинной и головной мозг стимулятор РП-икс, после чего между микробом и стимулятором начнется битва не на жизнь, а на смерть за власть над его синапсами. Если повезет, у нас будет пятнадцать минут, чтобы допросить его, прежде чем он полностью отключится и вернется в то состояние, в котором находится сейчас.

Из операционной послышался голос Маккаферти:

– Клифф, вы готовы?

– Иду, – ответил Клиффорд. – Дезинфицируйтесь, наде-

вайте халат и входите.

– Вы слышите меня? – спросил Клиффорд человека, лежащего на операционном столе.

После того, как Маккаферти и медсестра десять минут напряженно работали над ним, пациент наконец шевельнулся и провел языком по губам. Его голову пришлось закрепить, потому что возле шейного позвонка через трубочку в спинномозговой канал поступал раствор РП-икс. На всякий случай Клиффорд предложил привязать его конечности, прекрасно понимая, что едва ли желал бы себе самому такое пробуждение. Но он вспомнил о Лейле и Роне, и о том, что человек, распластаный на столе, может быть массовым убийцей.

На мгновение глаза пациента приоткрылись, но увидев перевернутые лица врачей в белых масках, он с хрипом схватил ртом воздух и снова сомкнул веки.

– Доктор, взгляните! – резко сказала сестра, наблюдавшая за электроэнцефалограммой.

Клиффорд и Маккаферти одновременно обернулись к дисплею.

Маккаферти присвистнул:

– Черт возьми, я слышал об этом, но не приходилось видеть такого собственными глазами!

Клиффорд подавленно кивнул. Линия на экране выровнивалась буквально на глазах.

– Этому может быть только одно объяснение. Он прика-

зывает себе умереть. И мы должны остановить его! Сестра! Неоскоп – десять кубиков!

– Десять? Но, доктор...

– Я сказал десять, значит, десять! Быстрее!

Сестра все еще колебалась. Клиффорд с проклятьями бросился к препаратам и схватил шприц. До сих пор он не слышал, чтобы кто-нибудь вводил неоскоп одновременно с РП-икс, но предполагал, что результат будет радикальным, возможно, даже трагическим.

Но это был единственный выход.

Он медленно и осторожно ввел препарат в сонную артерию пациента, каждую секунду напряженно ожидая, что его попытаются остановить. Но никто не остановил его, и...

Лекарство сработало!

Едва он успел вынуть иглу, как губы пациента дрогнули и он заговорил с сильным акцентом, но очень отчетливо. Глаза его при этом оставались закрытыми.

– Попался – умри! Умри! Они здесь, мы проиграли, мы проиграем!

Теккерей нажал на клавишу, и чутким микрофоном стал улавливать каждый звук. Пациент немного шепелявил и все короткие гласные произносил почти одинаково.

– Провалился... – пробормотал он смиренно, – значит, вышел из игры... Умри... Все кончено...

– Кто вы? – громко спросил Клиффорд. – Как ваше имя?

Пациент боролся некоторое время с эффектом, который

производил на него неоскоп, но в конце концов сдался. Снова облизывая губу, он выговорил:

– Имя? Сион... Фаматеус.

– Что это за имя? – недоуменно спросил Маккаферти, но Клиффорд не обратил на него внимания и снова спросил пациента:

– Откуда вы прибыли?

– Откуда? Откуда... куда... туда-куда... туда...

– Он пытается уйти в эхолалию, – сказал вдруг Маккаферти.

– Что за чертовщина, он боится настолько, что предпочитает лишиться рассудка? – в его голосе послышался холодок ужаса.

Внезапно подал голос Теккерей.

– Сион Фаматеус! Это приказ! Откуда вы явились?!

– Откуда-оттуда. Откуда-куда... Куда-туда... туда-куда...

– Приказываю вам отвечать!

На этот раз прием сработал. Лицо пациента расслабилось.

– Сион Фаматеус, – сказал он почти нормальным голосом, – прибыл из Пудаллы в Тоу-Сити...

Бросив встревоженный взгляд на энцефалограмму, Клиффорд спросил, пытаясь подражать властным интонациям Теккерей:

– Зачем вы здесь? Какова ваша цель?

– Распространять... – далее очень невнятно, – как можно дольше... Если ты попадешься... – в его голосе снова послы-

шалась тревога, – должен сразу умереть. Попался – умри! Должен умереть!..

Его тело вдруг содрогнулось в конвульсиях и обмякло. Медсестра, наблюдавшая за дисплеями, сказала:

– Доктор, у меня везде нули.

Клиффорд стащил с лица маску и произнес:

– Что бы мы ни делали, он добился своего. Он мертв.

– Но почему? – спрашивал Маккаферти, когда они вернулись в кабинет Клиффорда. – Мне доводилось слышать о том, что в примитивных культурах люди могут приказывать себе умереть, но никогда по-настоящему не верилось, что такое бывает. С другой стороны, я не нахожу других объяснений тому, что сделал с собой этот парень.

– У меня есть одна гипотеза, – задумчиво произнес Клиффорд и взглянул на Теккерея. – Можно еще раз прослушать вашу запись?

Пожав плечами, инспектор перемотал пленку обратно, и в третий раз они услышали задыхающуюся речь незнакомца:

Когда запись окончилась, Клиффорд сказал:

– Вы согласны со мной в том, что этот человек боялся чего-то неопишимо страшного, чему он предпочел смерть?

– Я... – начал Маккаферти и помедлил в раздумье. – С этим я согласен. – Он подался вперед. – Но остальное звучит просто бессмысленно. На Земле не существует места под названием Тоу-Сити! Я, во всяком случае, не слышал о таком.

– Он говорил не о городе, – сказал Клиффорд. – Дело в

его произношении. Мы с вами произнесли бы это название как «То-Сети»⁰¹.

После паузы, в течение которой стояла мертвая тишина, Теккерей взорвался:

– Черт возьми! Но ведь так называется звезда!

– Да, я знаю.

– Но... О, нет. Нет, док, извините меня. Я знаю, к чему вы клоните, но не могу с вами согласиться..

– Что ж, раз вы не хотите слушать меня, я готов призвать на помощь авторитет. – Клиффорд достал из кармана рацию: – Сестра, астронавт Бьюэл еще не выписался?

– Бьюэл? – переспросил голос медсестры. – Кажется, сегодня должны были выписать... Да, как раз сейчас он собирается покинуть больницу. Хотите, чтобы я задержала его?

– Будьте любезны. Скажите ему, что я прошу его срочно зайти ко мне в кабинет! – Клиффорд повернулся к собеседнику.

– Далее. Вы слышали, как этот Сион Фаматеус сказал, что ему было приказано что-то распространять, верно? А что в данный момент распространяется с бешеной скоростью? Не Чума ли?

– Вторжение со звезд? – пробормотал Теккерей. – Нет, слишком притянута за уши. Как такое возможно, если до сих пор идут споры о том, может ли космический корабль до-

⁰¹ «То-Сети» – традиционно на русский переводится как «Тау Кита». (прим. LX)

стичь ближайших звезд...

– И тем не менее, – не сдавался Клиффорд.

– Клифф, вы сошли с ума! – рассердился Маккаферти. – Перемещения к звездам невозможны без перемещения во времени, если хотите знать. В таком случае, мне непонятны причины, по которым будущее стремится заразить смертельной болезнью свое собственное прошлое!

– На этот вопрос у меня пока нет ответа, – сказал Клиффорд. – Но вы забываете о том, что мы живем в четырехмерном континууме. Есть ли путешествия в космическом пространстве... Да?

Его прервал стук в дверь, и вошел озадаченный Бьюэл.

– Док, в чем дело? Я уже собирался выписаться отсюда и отправиться в приличный отель... – он умолк при виде человека в полицейской форме с диктофоном в руках, серьезного лица Маккаферти и напряженного выражения, застывшего на лице Клиффорда.

– Я знаю и прошу меня извинить, – ответил Клиффорд. – Дело в том, что я хочу убедить этих двоих и еще Бог знает скольких людей в том, что перемещения во времени столь же возможны, как и перемещения в пространстве.

– Вы все еще не выбросили из головы теорию Вейсмана? – спросил Бьюэл. – Я же сказал вам, что для нее пока нет практического приложения!

– А если бы было? – настаивал Клиффорд.

– Тогда, конечно, перемещение во времени было бы неиз-

бежным. Если вы перемещаетесь в неоднородном пространстве на большие расстояния, так или иначе вы будете двигаться назад во времени, потому что скорость света – C – является конечным пределом скорости. Я полагаю, что в этом случае уравнение будет читаться наоборот и получится, что вы начали свое путешествие позже, чем достигли пункта назначения!

– О'кей, теперь я кое-что вам объясню, – сказал Клиффорд и, откинувшись на спинку кресла, сложил вместе ладони. – Когда полиция с помощью «ищейки» проводила расследование в «Кент Фармацевтикалз», она нашла след того человека, который подозревался в разгроме лаборатории. Но они нашли также и более поздний след этого человека, который начинался и кончался внутри самой лабораторий. Внутри не только прочнейших стен, но и ультрасовременной системы сигнализации. Далее, когда был взорван американский самолет с биохимической лабораторией, один из оставшихся в живых сказал, что видел в самолете постороннего человека. Когда прибыли пожарные, его уже не было там. И в первом, и во втором случае приметы этого человека соответствуют приметам одного типа, который смог доказать, что находился в сотне миль от места происшествия.

Мне продолжать?

Бьюэл был сбит с толку.

– Док, вы хотите сказать, что кто-то имеет в своем распоряжении телепортатор?

– Не имеет. Будет иметь. У вас есть, что возразить?

– Нет... не думаю... – Бьюэл нервно сглотнул.

– В таком случае, мы должны поставить на него капкан, – сказал Клиффорд. – С сотней дьявольски острых зубов!

Лаборатории в «Барнади и Глод, Лимитед» были оснащены куда более скромно, чем в «Кент Фармацевтикалз», но это не имело значения. «Барнади и Глод» была известной фармацевтической фирмой, преуспевающей в производстве антибиотиков, что вполне соответствовало широко разрекламированному сообщению о ее успехах в синтезе кризомицетина. В действительности это было неправдой, хотя уже в течение пяти лет эта фирма поставляла «Кент Фармацевтикалз» и многим другим высококачественные натуральные культуры бактерий. Но сообщение о ее успехах должно было прозвучать убедительно. Просто не могло быть иначе...

Клиффорд до боли в глазах вглядывался в темный проем герметичной двери, сжимая рукоятку пистолета. Позади него Фаркуар осваивал очередное хитрое устройство, следя за стрелкой инфракрасного детектора, который должен был отреагировать на появление человека в соседнем помещении. По всему зданию в ожидании гостя притаились мужчины и женщины, вооруженные пистолетами и газовыми баллончиками. Клиффорду стоило большого труда убедить власти в необходимости устроить засаду. Вот уже две ночи они ждали безрезультатно, и Клиффорд знал, что, если ничего не произойдет и на этот раз, на него попросту махнут рукой.

Какой бы безумной ни казалась его гипотеза, Клиффорд оставался уверен в том, что только она могла объяснить факты.

Часы показывали десять минут третьего ночи – мертвое время суток. Мысли Клиффорда блуждали; он вспомнил Рона и Лейлу и все те ошибки, которые совершил.

Вдруг Фаркуар тронул его за локоть и потянулся к выключателю на стене. Клиффорд моментально рванулся к двери, забыв обо всем.

В следующее мгновение посреди лаборатории, залитой безжалостным светом прожекторов, стоял высокий мужчина с проседью в темных волосах. Он дико озирался, но бежать было некуда.

Отовсюду к нему бросились люди с веревками, моментально связали по рукам и ногам и, не слишком с ним церемонясь, уволокли прочь из лаборатории. Главным для них было удалить его из пространства, конгруэнтного тому, на которое был настроен телепортатор.

Меньше чем через минуту его доставили в другое помещение, где что-то завывало и вспыхивало, кожу покалывало от электрических разрядов, а зубы ломило от боли. В этой комнате было собрано воедино все, что могло, по их представлениям, нарушить работу телепортатора. Среда в этом помещении менялась каждую долю секунды.

Там они освободили его конечности, и он поднялся на ноги, представ перед их беспощадными взглядами.

– Разве вы не собираетесь умертвить себя? – громко спросил у него Клиффорд.

Боргам с достоинством покачал головой.

– Это выход, к которому мы прибегали, попадая в плен к Дори'ни. Но откуда вам это известно? Пытали кого-нибудь из моих людей?

Клиффорд пропустил язвительное замечание мимо ушей и спросил, вложив всю свою надежду в один-единственный вопрос:

– Откуда вы и из какого времени?

Боргам уставился на него в искреннем удивлении.

– Никогда бы не поверил, что вы настолько развиты, чтобы так ставить вопрос. Но раз это так, я отвечу прямо. Я родился здесь, на Земле, но... позвольте мне сосчитать... примерно в 2620 году по вашему календарю.

– Это вы занесли к нам Чуму?

– Да.

– Но зачем? – Клиффорд сделал полшага к нему, борясь с желанием изрешетить пулями этого гордого незнакомца.

– Сначала ответьте мне на один вопрос, – произнес Боргам, не отрывая взгляда от дула пистолета в руке Клиффорда. – Правда ли, что эта Чума, как вы ее называете, вышла из-под контроля и вы не в силах противостоять ей?

– Да, черт возьми! Да, это так!

Боргам расслабился и широко улыбнулся.

– Значит, мое задание выполнено, – просто сказал он. – А

теперь позвольте представиться: генерал-полковник Андрем Аль-Мутавакиль Боргам. Я имею честь командовать корпусом Коррекции Времени в армии людей.

Его слушатели ошеломленно молчали, затем Клиффорд глуповато произнес:

– А, так вот почему... Я хочу сказать, что сразу подумал о том, что вы военный... Но вы не ответили на мой вопрос!

– Теперь я могу сделать это, поскольку мне нечего терять даже в том случае, если вы меня убьете. Все, что я мог потерять, уже кануло в бездну нереализованного будущего.

На его высоком лбу заблестел пот, но голос оставался твердым.

– Я вижу, что вы пока еще не способны создать телепортатор, но зато знаете способ, которым можно его вывести из строя, – он кивнул в сторону электрического оборудования, которое обеспечивало постоянное изменение среды в помещении.

– Слава богу, что вы не догадались установить такую систему в лаборатории у Кента! Иначе... Впрочем, я забегаю вперед.

Постараюсь быть краток. Итак, в том времени, из которого я вернулся, мы располагаем целой сетью телепортаторов, соединяющей большую часть ближайших звезд. Существует более дюжины наших колоний на других планетах. Существуют? Будут существовать? Нет, точнее будет сказать – существовали, потому что мне удалось изменить ход событий,

которые привели к их созданию.

В ходе наших космических исследований мы вошли в контакт с другими разумными существами, которые называли себя Дори'ни.

Говоря вашим языком, я назвал бы их расой душевнобольных.

Поверьте, мы не сделали им ничего дурного: наоборот, мы отнеслись к этому событию, как к исполнению вековой мечты. На наши приветствия они отреагировали безумной атакой. Благодаря эффекту неожиданности и нашей многовековой привычке мыслить мирными категориями, им удалось оттеснить нас к планетам Солнечной системы прежде, чем мы успели опомниться и собрать силы для защиты.

И все же у нас было одно существенное преимущество перед ними: у нас был телепортатор. Мы держали это в строжайшем секрете от них, под гипнозом внушая своим солдатам приказ умереть в случае попадания в плен к Дори'ни. Вы узнали об этом, и я теряюсь в догадках, как вам это удалось, ведь человек, которого вы допрашивали, находился в гипнотическом трансе и не знал о том, что находится на Земле, а не в плену у Дори'ни.

Конечно, основной ценностью телепортатора было не то, что он являлся средством передвижения среди звезд, а его способность перемещать людей и предметы во времени. Доказательство тому – мое положение здесь, не правда ли?

Крайним средством, к которому мы прибегли, из опасе-

ния, что Дори'ни атакуют наше последнее прибежище – саму Землю, стало основание корпуса Временной Коррекции. С помощью телепортатора мы стали изменять историю всех битв, которые мы проиграли в этой ужасной войне. Какое-то время удача была на нашей стороне, но удар, который Дори'ни припасли напоследок, был наиболее хитрым и убийственным. Роковую роль сыграл тот факт, что на протяжении почти трехсот лет, каким бы невероятным это ни показалось, люди не переболели ни одной болезнью.

Блестящим от возбуждения взглядом он обвел лицо ошарашенных слушателей.

– Вы не верите мне, не так ли? Но обратите внимание вот на что: уже сейчас на вашей Луне живут дети, которые никогда не сталкивались со многими инфекциями, знакомыми их родителям. Процесс отдаления от Земли с ее микрофлорой развивался по нарастающей: от Луны мы двигались к Марсу, к лунам Юпитера, другим планетам. С каждым шагом мы больше и больше отвыкали от микробов, которые легко переносятся вами. Мы разработали метод обнаружения инфекции в течение нескольких минут и привыкли носить при себе маленькие универсальные антитоды, которые быстро идентифицируют и убивают чужеродный микроорганизм. Это превратилось в рефлекс: понюхал, проглотил, и болезни как не бывало!

Узнав об этом, Дори'ни создали Чуму.

Не бывает и двух одинаковых случаев течения этой болез-

ни.

Она мутирует в соответствии с сопротивлением, которое встречает. Чем настойчивее мы боролись с ней, тем вернее она нас убивала. Сейчас у вас умирает каждый десятый пациент. В том времени, откуда я прибыл, лишь один из ста имел шансы выжить, потому что мы лишились всего того иммунитета, который, как само собой разумеющееся, имеется у вас. Сколько болезней победил каждый из вас, пока не стал взрослым? Сто? Тысячу? О существовании большинства из них вы даже не догадывались!

И мы стали умирать от Чумы как... есть у вас очень точное выражение... А! Как мухи! Мы умирали, зная, что это последнее оружие у Дори'ни, и если бы не оно, мы выиграли бы войну.

Голос его задрожал, и он провел рукой по лицу.

– Необходимо было хотя бы зафиксировать тот момент, когда Дори'ни инфицировали нас. Но они оказались хитрее, чем нам казалось сначала. У болезни, которую они создали, был длинный инкубационный период. Прежде чем мы поняли это, буквально сто миллионов человек уже разнесли эту болезнь по всей цепочке планет, одновременно соединенных телепортаторной сетью. Эпидемия разразилась одновременно на таком огромном пространстве, что уже невозможно было отыскать ее источник.

Когда-то мой корпус насчитывал миллион мужчин и женщин. А знаете, скольким удалось добраться до вашего вре-

мени? Ста четырнадцать! И все же я привел их сюда, в прошлое, чтобы провести самую главную в нашей истории операцию по коррекции времени, которая может дать единственный для человечества шанс выжить.

Он уронил голову, и теперь им пришлось напрячь слух, чтобы услышать его слова.

– Мы вынуждены были принести вам эту Чуму... от которой не существует панацеи.

– Что вы сказали? – воскликнул Клиффорд.

– Увы, да. В этом и суть, неужели вы не поняли? – Он тяжело задышал, словно сам был на грани обморока. – Неужели вы думаете, что мое сердце не обливалось кровью, когда я уничтожал драгоценные результаты ваших усилий по созданию кризомицетина? Неужели я стал бы делать это, если бы не имел на то веских причин? Теперь, когда каждый будет подвержен ее влиянию, для многих появился шанс выжить, как это ни парадоксально!

На этот раз все случится иначе. Дори'ни снова встретятся с нами – пусть с немногими из нас – и снова начнут свою невероятную войну. Но теперь мы сможем противостоять их последнему оружию – чудовищной инфекции. Я знаю, что так будет, потому что здесь и сейчас говорю с вами, которые уже столкнулись с этой болезнью и, возможно, когда-нибудь научатся справляться с нею, как с обыкновенной простудой. В каждом поколении кто-то будет погибать от нее – неизбежный и жестокий отбор! Но само существование такой болез-

ни не позволит медицине деградировать до уровня обыденной привычки, не подкреплённой научным поиском и практическим искусством. Поэтому многие, кто в будущем был обречен на гибель, теперь останутся в живых.

После длинной паузы Клиффорд спросил:

– Почему выбор пал именно на нашу страну?

– Из-за высокой плотности населения и потому, что здесь перекрещивается большинство транспортных линий, соединяющих вас с остальным миром. Похоже, мы сделали правильный выбор.

Потому что... – внезапно его речь прервал судорожный кашель и он повалился на пол.

Когда Клиффорд присел возле него на корточки, он в последний раз открыл свои пронзительные темные глаза и произнес:

– Видите: я – венец многовекового процесса в медицине – умираю! Если бы я мог вернуться и принять антидот...

На его тонких губах выступила пена, он захрипел и снова закашлялся, на этот раз громче и дольше.

– Почему вы открыто не обратились к нам? – спросил Клиффорд.

– Дело ведь не только в Дори'ни... Мы не должны вечно видеть в них врагов... Мы... – он умолк и скорчился в неподвижности. Повисла мертвая тишина. Наконец подал голос Фаркуар:

– Доктор, вы верите тому, что он рассказал?

– Не знаю, – ответил Клиффорд. – Как бы то ни было, мы поставлены перед фактом.

Он вышел на холодный ночной воздух. Высоко над ним мерцали звезды. Со всех сторон доносились звуки города, который из последних сил боролся со смертельной угрозой: вой сирен «скорой помощи», жужжание вертолетов, приглушенное гудение многочисленных механизмов.

Он устремил взгляд в темноту, где умирали мужчины и женщины. Существует ли цель, которая может оправдать это? Верит ли он истории, рассказанной Боргамом? Примирись бы Рон и Лейла с мыслью о том, что должны умереть?

Долго еще не будет ответов на эти вопросы. До тех пор, пока человечество не столкнется с врагом, которого, может быть, и не существует. Но если этот враг все-таки будет существовать, то он уже проиграл войну Клиффорду, и Маккаферти, и миллионам других.